

Независимая газета

Дилемма Медведева

Правопорядок и стабильность в системе ценностей будущего президента России

2008-02-07 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

С уходом Путина с поста президента на пост премьера и избранием Медведева Россия вступит в новую политическую эпоху. Самый важный аспект этой эпохи – новая организация верховной власти, а именно – утверждение принципа ограниченности во времени президентской власти конституционными двумя сроками и создание реальных ограничений этой власти: власть, ограниченная во времени, не может быть полной, она оказывается ограниченной во всех своих проявлениях. Но достаточно важным аспектом становится и приход на пост президента нового лица.

Выбор стиля

Новый правитель – это новый стиль, который начнет усваиваться бюрократией и вообще всеми, кто желает проявить свою любовь к власти и будет создавать стиль времени. Стиль Медведева, как это видно уже сейчас, значительно отличается от путинского. Путин создает впечатление человека с трудным детством, загонявшего вглубь свои слабости, эмоции и неуверенность в себе, скорее всего именно для этого пошедшего в КГБ (работа в «сильной» и «страшноватой» организации придает силу) и выработавшего маску в стилистике «Семнадцати мгновений весны». Для таких людей главное – контролировать самих себя, не давать другим контролировать себя и самим контролировать других. Но система самоконтроля периодически ломается. Загнанные внутрь, подавленные чувства, естественно, просятся наружу и прорываются в приступах ярости, сопровождаемых переходом вроде бы интеллигентного человека на «пацанский» язык. Эти приступы ярости могут быть вызваны совершенно неадекватными причинами («неуместный» вопрос журналиста о Чечне или, возможно, появление возомнившего о себе олигарха в Кремле без галстука).

Очень интересно, что ни выбор Ельциным Путина, ни выбор Путиным Медведева не совершались по принципу – кто больше всего похож на того, кто выбирает. Наоборот, судя по всему, президенты в какой-то мере ощущали свои недостатки и «отталкивались» от них. Уж чего-чего, а самоконтроля у Ельцина не было, но выбрал он до гротеска (и до срывов) контролирующего себя Путина. И Путин выбрал преемником совсем не похожего на себя человека.

Медведев будет первым за очень долгое время, фактически за весь период после падения царизма, российским правителем из «хорошей», благополучной и элитарной семьи. (Семью Ульяновых все же назвать благополучной нельзя.) На нем – отпечаток сытого детства в доме профессора и обеспеченного практически с рождения карьерного

минимума. Создается впечатление, что он не «закомплексован» и вообще добрее своего предшественника и более открыт. От него не веет опасностью, которую излучал Путин.

Никаких идеологических различий у Медведева и Путина не может быть «по определению». Но психологические различия всегда в какой-то мере идеологические, ибо люди, имеющие разную психологию, даже в рамках одной идеологии, одного и того же набора ценностей неизбежно делают разные акценты. Путин, естественно, акцентировал порядок, вертикаль власти, независимость России от внешних влияний. Нормальный мальчик из профессорской позднесоветской семьи – «либерал». От речи Медведева на Гражданском форуме веет чем-то вроде «оттепели», и у российских либералов Медведев уже начал вызывать чувства, аналогичные тем, которые некогда вызвало воцарение Александра I после Павла I.

То, что Медведев подтверждает в своих высказываниях «демократический выбор России», не очень интересно, ибо ничего другого он подтверждать не может. Куда интереснее и важнее в его выступлении на Гражданском форуме сильная и, несомненно, искренняя и прочувствованная филиппика против русского «правового нигилизма» и всеохватывающей коррупции. Очевидно, этот упор на законность и право будет таким же важным личным «стилистическим признаком» правления юриста и «либерала» Медведева, как упор на порядок, контроль был «стилистическим признаком» правления Путина.

И здесь возникает вопрос – в какой мере этот акцент на правопорядок может претвориться из слов в реальную политику, а в какой – он обречен остаться на уровне риторики (вспоминается фраза Чичикова: «Я немею пред законом») и «риторических действий»?

Управляемая демократия как коррупция

То, что борьба за правопорядок и с коррупцией будет сталкиваться с сопротивлением аппарата, естественно. Но это – нормальное «сопротивление материала». Я думаю, что значительно более важное сопротивление эта «правовая» составляющая медведевской идеологии и политики встретит со стороны других аспектов идеологии самого же Медведева, заявленных им в той же речи. Это – любимая Путиным, но, несомненно, полностью воспринятая Медведевым мысль, что Россия в XX веке «исчерпала свой лимит на революции» и нет ничего важнее, чем сохранение преемственности и стабильности. Почему же ценность стабильности в нашем контексте противоречит ценности правопорядка? Потому что тот порядок, который сформировался в постсоветской России и который обеспечил президентство и Путину, и Медведеву, – это порядок, основанный на полной власти «безальтернативного» президента и свободном выборе президента-преемника президентом-предшественником при обязательной последующей легитимации этого выбора всенародным голосованием. Это не формальный (конституционный), но реальный порядок. И гарантией такого порядка может быть только «управляемость» этого легитимирующего голосования (а это значит – всего политического процесса), то есть объективно превращение демократии в ее имитацию и постоянное нарушение демократических, конституционных норм. Именно здесь и есть самый главный источник нашего «правового нигилизма», наша

главная «коррупция», которая создает жесткие границы для борьбы с любыми другими ее проявлениями.

В разных политических системах коррупция имеет разное значение. В системах, где нет принципиального противоречия формы и содержания, коррупция – это «коррупция» в буквальном значении этого слова, «порча» механизма управления. Цари не могли справиться с коррупцией (полностью уничтожить ее вообще невозможно), но никак нельзя сказать, что она была необходима для существования царизма: она мешала царям, искажала работу механизма управления. И в демократии («неуправляемой») коррупция – это «порча» механизма управления. Но в системе, основанной на противоречии между правовой формой и неправовым содержанием, где реальный порядок – это назначение Ельциным Путина, а Путиным Медведева, а конституционная форма – это свободные альтернативные выборы, коррупция – «системообразующий элемент». Это не «порча» механизма управления, а сам механизм. «Управление демократией» – это и есть «правовой нигилизм» и коррупция.

Главное у нас – это не деньги, которые, как показал печальный опыт «олигархов», в нашей системе не конвертируются во власть и относительно легко отнимаются, а власть, которая легко конвертируется в деньги. Самая основная «валюта» – это избирательные бюллетени, и если ты в той или иной форме их «воруешь» (где-то – прямой фальсификацией, где-то – манипуляцией избирательным процессом, отстранением конкурентов от выборов под какими-либо предлогами, их отстранением от СМИ и т.д.), прочее «воровство» – это уже мелочи. Любое прочее воровство и «использование служебного положения в личных целях» производны от этого главного «воровства», которое обозначается у нас эвфемизмом «административный ресурс».

Но если стабильность, преемственность власти, борьба с угрозами дестабилизации (призраком «цветной революции») рассматриваются президентом в такой системе как его самая высшая задача, то его борьба с коррупцией неизбежно становится такой же «фасадной», имитационной, как фасадной становится в ней Конституция и имитационной – демократия. Он не может, например, привлечь к суду коррумпированного руководителя «проблемного» региона, поддерживающего в нем стабильность и обеспечивающего ему необходимые голоса избирателей этого региона. Чтобы реально бороться с коррупцией и «правовым нигилизмом», Медведеву надо было бы прежде всего расследовать недавние выборы в таких регионах, как Ингушетия, Чечня и Мордовия. Но как он будет расследовать выборы, которые помогли обеспечивающей стабильность и выдвинувшей его партии, в регионах, которые в марте помогут ему лично и где расследование будет означать неизбежную дестабилизацию?

И дело здесь не только в нормальных «властных инстинктах» президента, его естественном стремлении к успеху, победе, которые ему очень трудно, но все же можно подавить какими-то идеалистическими мотивами. Дело в том, что обеспечение стабильности для Путина и, очевидно, Медведева – это и есть «идеалистический мотив», «моральный императив», долг перед страной, «исчерпавшей лимит на революции». Искреннее стремление будущего президента пресечь «правовой нигилизм» неизбежно будет

вступать в противоречие с не менее искренним стремлением к стабильности.

И Путин, и Медведев хотят законности и правопорядка, которые в наших условиях могут быть только конституционными и демократическими законностью и правопорядком. Но одновременно они хотят стабильности, предсказуемости, передачи власти доверенным людям. Однако демократия – это как раз непредсказуемость выборов. Это у нас победа Медведева гарантирована, а кого выберут в США – никто не знает. Реальная демократия – это стабильность правил игры при полной неопределенности победителя. И переход от имитационной к реальной демократии может быть только один – победа не того, кто уже у власти или назначен властью в победители. И если этот переход неизбежен (а весь ход мирового исторического процесса говорит об этом), а первый случай победы не того, кто назначен победителем, – это все-таки революция (пусть «бархатная» или «цветная»), значит, лимит на революции мы еще не совсем исчерпали.

Вечный страх

Из вышесказанного легко сделать вывод, что правовые и либеральные слова и жесты Медведева обречены остаться словами и жестами, а следовательно, придавать им серьезного значения не стоит. Но это не так. Разумеется, Медведев не может привести нас к демократии. Решающий шаг на пути от имитационной к реальной демократии – это поражение на выборах власти, а требовать от президента, чтобы он готовил свое (или своего преемника) поражение, абсурдно. Это вообще не в его силах. Но от его решений будет зависеть очень многое. Его предшественник смог в ситуации выбора между требованием Конституции, с одной стороны, и страхом дестабилизации и своими властными инстинктами, с другой, все-таки выбрать Конституцию. Это был очень ограниченный выбор, ибо речь шла о передаче власти другу и о неполной утрате власти. Но все же это был важный выбор и важный шаг на нашем трудном пути к демократическому правопорядку. И этот выбор создает прецедент, облегчающий для его преемника аналогичные решения.

Перед Медведевым тоже будут ситуации выбора – необязательно страшного, «экзистенциального» выбора, но все равно неприятные (расследовать или не расследовать воровство какого-нибудь преданного ему губернатора, который стабилизирует регион; допускать в парламент не угрожающую непосредственно его власти, но не очень приятную ему оппозиционную партию или дать отмашку на ее недопущение и т.д.). Это будут ситуации выбора между двумя составляющими его системы ценностей – стабильностью и правом. И чем больше и чаще он будет выбирать право (что значит, частичную дестабилизацию), тем больше шансов, что будущий переход к реальной демократии будет более мягким, «бархатным».

Создается впечатление, что идею «исчерпанности лимита на революции» Путин и Медведев воспринимают как какую-то новую и оригинальную. На самом деле это новая форма очень старого русского страха дестабилизации, потери властью контроля. Страх, который порождает закрытые, лишённые обратной связи с обществом системы, в конечном

счете оказывавшиеся неустойчивыми и приводившие к полной дестабилизации.

Все наши цари начиная с Екатерины II панически боялись революции (французская революция 1848 года вызвала у Николая I реакцию, совершенно однотипную с реакцией нашей власти на «цветные революции»), и практически все они (кроме Александра II) укрепляли «вертикали власти», боясь даже небольших, частичных «дестабилизаций», непосредственно их власти не угрожавших. Но именно это и привело к тотальной дестабилизации 1917 года.

Затем так же панически боялись дестабилизации советские руководители. Результатом был 1991 год. Боялся ее и Путин. Боится ее и Медведев. И если этот страх станет совершенно доминирующим и полностью одолеет прочие «правовые» стремления, то очень вероятно, что будущий историк поставит в один ряд с 1917-м и 1991 годом дату какой-то другой катастрофы. Но чем меньше будет этот страх, чем чаще он будет уступать другим стремлениям, тем больше шансов, что Россия если уж не полностью исчерпала лимит на революции (это все-таки преувеличение), то лимит на катастрофические, «небархатные» революции действительно исчерпала.